

умѣнье понять дѣйствительныя красоты античныхъ писателей, войти въ ихъ міровоззрѣніе, оцѣнить изящныя подробности. Все тѣ же классики занимають русскую литературу и во времена Кантемира, и во времена Батюшкова, но на пространствѣ почти ста лѣтъ сдѣланы были большіе успѣхи: Батюшковъ, безъ сомнѣнія, глубже чувствуетъ тѣхъ Горация и Тибулла, которыхъ онъ такъ внимательно изучалъ, умѣетъ войти въ ихъ міросозерцаніе, съ которымъ сливается его собственное. Историки нашей литературы считаютъ особенной заслугой Батюшкова его антологическую поэзію, его искусство передать духъ древнихъ поэтовъ этого стила. Раньше этого сдѣлано не было; но это художественное усвоеніе возможно было теперь только послѣ ряда прежнихъ работъ, послѣ того, какъ русская литература приобрѣла большую степень поэтической воспримчивости, болѣе выработанный языкъ и форму.

Для дѣлаго достоинства литературы усвоеніе классическаго и иного поэтическаго матеріала было необходимо. Чтобы развить собственное и національное, чтобы дать ему подобающее мѣсто среди дѣятельности другихъ народовъ, нужно было усвоить то, что сдѣлано было другими, усвоить не внѣшнимъ образомъ, а путемъ внутренняго пониманія и свободно настроеннаго творчества. На первыхъ шагахъ литературы это было умственно и нравственно невозможно: антологическая дѣятельность Батюшкова, представленная многими, дѣйствительно прекрасными и искренними произведеніями, была возможна только какъ результатъ продолжительныхъ прежнихъ опытовъ и закрѣпляла въ литературѣ извѣстную долю пониманія классическаго міра. Такимъ образомъ, въ его дѣятельности сдѣланъ былъ извѣстный шагъ, за которымъ стали возможны дальнѣйшія ступени. Подобнымъ образомъ совершались и вообще пріобрѣтенія нашей литературы со стороны содержанія, а вмѣстѣ и языка. Одинъ и тотъ же писатель иноземной литературы, одно и то же произведеніе встрѣчаются въ русскихъ истолкованіяхъ на пространствѣ XVIII-го вѣка и начала нынѣшняго столѣтія, но чѣмъ дальше, тѣмъ пониманіе ихъ становится серьезнѣе, и наконецъ они провѣряются уже собственной критикой. Наша литература слѣдуетъ, обыкновенно болѣе или менѣе опаздывая, за основными явленіями европейской литературы и болѣе или менѣе переживаетъ ихъ собственною мыслію; и когда они такимъ образомъ усвоивались, то тѣмъ самымъ расширялось содержаніе нашей собственной литературы, тѣмъ свободнѣе становились ея собственные пріемы и смѣлѣе обработка матеріала русской жизни.